

Полемика Н.Н. Страхова с В.С. Соловьевым

Предметом спора двух ученых стала книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), в которой он подробно развивает теорию «культурно-исторических типов». Начало положил В.С. Соловьев, который выступил против теории Данилевского и попытался ее опровергнуть в своей работе с одноименным названием («Россия и Европа»). На стороне Данилевского выступил Н.Н. Страхов, который был категорически против скептического отношения Соловьева к работе Данилевского. Таким образом, между Страховым и Соловьевым завязалась полемика, которая выплеснулась на страницы журналов «Русский Вестник» и «Вестник Европы».

Соловьев начинает свою работу с обвинения Данилевского в том, что тот стоит всецело и окончательно на почве племенной и национального раздора. Он заявляет, что между Данилевским и прежними славянофилами можно найти существенные различия. Так, например, славянофилы «утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как носитель всечеловеческого окончательного просвещения: Данилевский же, отрицая всякую общечеловеческую задачу, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, — однако наиболее совершенным и полным (четырёх-основным, по его терминологии), вмещающие в себе преимущества прежних типов»¹. «... коренные славянофилы (Хомяков, Киреевский, Аксаковы, Самарин), не отвергая всемирную историю и признавая, хотя лишь в отвлеченном принципе, солидарность всего человечества, были ближе, чем Данилевский, к *христианской* идее и могли утверждать ее, не впадая в явные внутренние противоречия».²

«Национализм нашего века вовсе не похож на национализм древнего мира. У язычников... всякий народ хотел завладеть всеми другими народами; у христиан явилось правило, что никакой народ не должен владеть другим народом»³, замечает на это Страхов. Он говорит, что то, как пытается подать теорию Данилевского Соловьев, обращается во вред этой теории.

Тем не менее, Соловьев находит, что Данилевский имеет несомненные преимущества в выражении *национальной* идеи. Для прежних славянофилов эта идея была по преимуществу предметом поэтическим, пророческим и ораторским вдохновением, — утверждает Соловьев. «С другой стороны в последние годы та же идея стала предметом рыночной торговли, оглашающей своими полу животными криками все грязные площади, улицы и переулки русской жизни»⁴. «Но, кроме этих двух крайностей мы имеем, благодаря книге Данилевского, спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении к России».⁵

Соловьев говорит о чуждости Данилевскому философии идеализма, о том, что, обладая крупным умственным дарованием и безукоризненным нравственным характером, Данилевский примыкает к лучшим представителям славянофильства, что он отделился от площадного патриотизма и национализма.

Упомянув вскользь о положительных моментах книги Данилевского, Соловьев снова начинает яростно на нее нападать. Так, не найдя доказательств возможного улучшения экономического строя в России, он задается вопросом, может Россия призвана к обширному и самобытному творчеству в области науки, философии, литературы, искусства? И сам же дает отрицательный ответ на этот вопрос: русская наука не озарила мир новым светом. У Данилевского нет доказательств, что Россия может создать свою собственную науку, независимую от Запада, утверждает Соловьев. Наука в России достигла высшей ступени и вступает в эпоху упадка, а философия относится к категории небытия. «Все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не по-

хоже на философское, а иногда и совсем ни на что не похоже»⁶. Нельзя найти задатков для «великого и независимого будущего России в области мысли и знания».⁷ Таким образом, говорит Соловьев, возможно больше надежд у нас в области литературы и искусства, однако тут же замечает, что писатели, которым «рукоплещет Запад» — Гоголь, Достоевский, Тургенев, «или покойники, или инвалиды».⁸ Соловьев утверждает, что новое поколение не может создать хотя бы чего-либо похожего на произведения предшественников. Тоже самое происходит и в музыке. Вывод у Соловьева следующий: «... особый, внеевропейский русско-славянский культурный тип, с своею особенною наукой, философией, литературой и искусством, есть лишь предмет произвольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не представляет»⁹. «Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь произвела действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)».¹⁰

Страхов категорически не соглашается с Соловьевым, заявляя, что «... эта статья просто неуловима по зыбкости своих рассуждений, по разнообразию и неопределенности своих точек зрения... Сначала кажется, что главная цель автора воевать против «национальной исключительности»; но скоро место этого врага заступает другой — сама книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»¹¹. Главная цель, замечает Страхов, — «отнять у книги всякое научное достоинство»¹². «Из вражды к «национальной исключительности» г. Соловьев желает думать, что мы, русские, « один из полудиках народов Востока», что философия у нас невозможна и т. д.»¹³

«Помешали г. Соловьеву разные русские книги, русское искусство, русская литература; ну он и стал в них сомневаться, чтобы себя потешить; может быть ему нужно себя *утешить*, и тогда нам следует пожалеть его».¹⁴ Страхов замечает, что многие негодуют по поводу жестких оценок Соловьева, и негодуют справедливо.

Соловьев, утверждает Страхов, приводя его цитату, заявляет, что «Национализм, возведенный в систему нашим автором, противоречит основной христианской и гуманистической идее (единого человечества)», так что «это опровергает его в глазах людей с искренним христианским убеждением или же особенно чутким к высшим нравственным требованиям».¹⁵

Какие странные обвинения, говорит Страхов, они даже теряют правдоподобность «желая показать всю слабость русских умов, торжественно провозглашая теорию Данилевского не-христианской».¹⁶ «Ну как можно подумать, что человек с таким светлым умом и такой истинный христианин как Н.Я. Данилевский, стал проповедовать «языческий принцип?»¹⁷, — удивляется Страхов. Единство у Данилевского понимается как то, что «природа у всех людей одна, что они равны между собой по своей природе, следовательно, и по «нравственному назначению»¹⁸, говорит Страхов. Г. Соловьев под единством «разумет такое отношение между людьми, по которому они образуют «единое и нераздельное целое»¹⁹. Страхов замечает, что единство и равенство — различны.

«Если мы признаем всех людей равными, как по христиански следует и как твердо веровал и исповедывал Н.Я. Данилевский, то каждый человек, взятый отдельно... будет для нас одинаково предметом человеколюбия и нравственного долга. Мы тогда не задаем себе никакого вопроса об его отношении к остальному человечеству. Вот к чему ведет понятие равенства. Если же мы каждого человека считаем частью единого человечества, то, как часть, он, конечно, будет равен другим частям и будет равен с ними также в том, что, вообще говоря, он связан с целым и с соседними ему частями; но тут сейчас же являются вопросы; не различается ли он от других частей в другом отношении? Части всякого целого могут быть различны по своему достоинству, по значению для целого и даже по

свойству и по большей и меньшей крепости самой связи, соединяющей их с целым. Таким образом, единство в известном отношении непримиримо с равенством, и равенство не может безусловно согласоваться с единством»²⁰. Данилевский отвергает неравенство людей перед Богом, утверждает Страхов, который обвиняет Соловьева в том, что на место истинного равенства подставляет свое мнимое равенство.

На это Соловьев отвечает, что «... если же я имею о человечестве как целом такое понятие, которое необходимо требует равенства... всех его частей и элементов (народов и неделимых), то я могу... под единством целого разуметь и равенство его частей»²¹. Он ссылался на учение ап. Павла, по которому, как говорит Соловьев, «... человечество есть единое живое целое, духовно-физический организм, реально-несовершенный, но возрастающий и развивающийся до идеальной полноты и совершенства; члены этого организма безусловно солидарны между собою, все необходимы для каждого и каждый необходим для всех, так что благосостояние или страдание одного прямо отзываются благосостоянием или страданием всех других; и так как каждый имеет свое безусловное значение, свое незаменимое место в общей жизненной цели, то, следовательно, все по отношению к целому безусловно равны между собою. Эта идея всеединого человечества, несмотря на свою общность, достаточно определена именно в том смысле, что в ней единство целого совпадает с равенством всех частей, а потому на почве этой идеи я употреблял и... всегда буду употреблять эти два термина как однозначные»²².

Упомянув о ссылке Соловьева на ап. Павла, «сделанной в защиту мысли о человечестве как едином организме», Страхов замечает: «Если непредубежденный читатель прочтет главы ап. Павла, то увидит, что они наполнены увещаниями к единению и любви, обращение к обществу верующих, к христианской церкви, а вовсе не содержат учения о едином организме человечества»²³.

«Национальная самочувствительность» приводит к следующей формуле, утверждает Страхов, цитируя Соловьева: «Наш народ есть самый лучший из всех народов и потому он предназначен, так или иначе, покорить себе все другие народы, или, во всяком случае, занять первое высшее место между ними». «Такой формулой... осыпается всякое насилие, угнетение, бесконечные войны, все злое и темное в истории мира»²⁴. Страхов с этим не соглашается и говорит, что эта формула совпадает с учением прежних славнофилов. Страхов говорит о том, что и европейские народы, например, сначала греки и римляне, затем французы и англичане считали свои народы первыми, следовательно, преобладающими над другими. Поэтому славянофилы первые тоже стали думать так, как изображают историю историки.

Страхов говорит, что Соловьев упрекает Данилевского и его историю культурно-исторических типов громко, резко и путано, используя общие слова и что та характеристика, которую Соловьев принимает по отношению к произведению Данилевского, лучше подходит к самой статье Соловьева. Соловьев не понимает требование естественной системы, упрекает Данилевского, что нет прямого определения культурно-исторического типа, замечает Страхов, — «... и определения, и разделения не даны наперед, а напротив составляют искомое, суть то, что должно еще получиться из наших наблюдений и сравнений»²⁵. Тип у Данилевского — лишь высшее деление, а «изложение особой жизни и развития каждой группы составляют предмет долгих изысканий и совершенствуются вместе с успехами самой науки истории»²⁶. «... г. Соловьев не понимает, что строго-определенными и точными бывают сразу только искусственные системы, а для естественных систем строгая определенность и точность есть лишь идеал...»²⁷. Книга Данилевского есть не полная естественная система истории, она указывает только общий план исследования. Страхов замечает, что у Соловьева главное заключается не в том, «чтобы найти истинную систему истории, а в том, чтобы опровергнуть Данилевского»²⁸.

Страхов подразумевает под борьбой с Западом не отрицание авторитетов, а их «точную и правильную критику, требующую самостоятельной работы мысли». «Из тщеславия, из

слабости, из самолюбия мы тянемся за Европою, принимая на себя всякие чужие виды, исповедуем всякие чужие мысли и чувства и, предаваясь горячо и спешно такому самоусовершенствованию, забываем и заглушаем то, что одно имеет цену в мире духовной действительности — собственно мысль, собственно чувство».²⁹

Высокомерное отношение к Западу и подобострастие перед Европой, «раболепствие до холопства» самого Соловьева, по выражению Соловьева, это исключительно желание и фантазия Страхова. Поэтому Соловьев раскрывает свое видение теории Данилевского. Он говорит о том, что «По теории Данилевского славянство, хотя и не имеет никакой все-человеческой задачи (единое человечество здесь отрицается), но, будучи *последним* в ряду преемственных культурно-исторических типов и притом самым *полным* (четырёх-основным), должно придти на смену прочим, частью отживших, частью отживших типов (Европа); славянский мир есть море, в котором должны слиться все потоки истории — этою мыслью Данилевский заканчивает книгу, это есть последнее слово всех его рассуждений. Слияние же исторических потоков в славянском море должно произойти не иначе, как посредством великой войны между Россией и Европой. По поводу этого рокового кровопролития Данилевский прославляет войну вообще как единственный достойный способ решения мировых вопросов и даже сравнивает ее с явлением Божиим на горе Синае. Тем не менее г. Страхов уверяет, что это воззрение отличается духом кротости...»³⁰. Соловьев отмечает, что для Страхова важнее привести свой собственный отзыв о книге Данилевского, чем Страхов даже не ссылается на Данилевского.

Выходки В. Соловьева слабы и бессодержательны в отношении главного вопроса — теории культурно-исторических типов, — замечает Страхов. «Г. Соловьев не верит моему изложению, по которому теория культурно-исторических типов имеет мирный характер, отличается духом славянской терпимости, ибо, по теории, может одновременно существовать и развиваться несколько таких типов; так было прежде, так есть теперь, и в будущем нет для этого никакой невозможности.»³¹

«О какой *смене прочих типов* они говорят? Что это за *потоки, сливающиеся в славянском море?* Откуда явилась *смертельная борьба?* Откуда *воссоздание просвещения на развалинах европейской культуры?*», — недоумевает Страхов.³² Это глубокое недоразумение и извращение дела из-за невнимательного чтения и вникания противников Данилевского, убежден Страхов.

«Во-первых, он никогда не говорил, что Европа отживает свой век; напротив, он утверждал и пояснял, что теперь Европа находится в полном расцвете, в апогее своих сил»³³. «Во-вторых, он предсказывал борьбу славянского мира с Европой, но предсказывал потому, что видел в ней единственный выход в разрешении Восточного вопроса, выход из давнишней существующей распри, разрешения тех горячих стремлений, надежд и притязаний, сила которых не ослабевает, а растет с каждым днем. Вы не хотите признавать правильности предсказаний Н.Я. Данилевского, — утверждает Страхов, — но чтобы их опровергнуть, мало сказать, что вы по человеколюбию, или по экономическим соображениям, ужасаетесь войны, — нужно еще показать, как же, по вашему мнению, можно совершить разрешение Восточного вопроса»³⁴. «В-третьих, наконец, великие надежды, которые автор «России и Европы» возлагал на славянский мир, вы готовы принять за какие-то популзновения к единому и неразделимому владычеству над всем миром, вы говорите о смене всех типов одним, о слиянии всех потоков в одно море и т. п. Подобные предположения невозможны по самой сущности теории культурно-исторических типов, утверждающей, что развитие этих типов совершенно и равномерно, и равномерно»³⁵.

«Мы так намалодушничались, так привыкли падать духом, что чуть не оскорбляемся, если кто-нибудь выразит надежду на великое будущее России. Вера в свою землю, надежда на нее, — ведь это чувства, без которых жить нельзя», — говорит Страхов, — «Подобные надежды естественны для того, кто любит свой народ но помимо надежды для этого

требуется большой труд, тем больше усилий и доблестей, чем выше эти желания. Противники Данилевского выставляют эти желания в страшном свете стараются подорвать его теорию типов».³⁶

Соловьев же, занимая довольно резкую позицию в отношении книги Н.Я. Данилевского, его культурно-исторических типов и места России во всемирной истории, тем не менее высказывает следующие «...мысли о национальности вообще и о России в частности».

«1. Народность есть положительная сила, и всякий народ имеет право на независимое (от других народов) существование и на свободное развитие своих национальных особенностей.

2. Народность есть самый важный фактор природно-человеческой жизни, и развитие национального самосознания есть великий успех в истории человечества.

3. национальная идея, понимаемая в смысле политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабые и угнетенные, имеет высокое нравственное значение и заслуживает всякого уважения и симпатии.

4. Национализм или национальный эгоизм, т. е. стремление отдельного народа к утверждению себя на счет других народностей, к господству над ними, — есть полное извращение национальной идеи; в нем народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное *усилие*, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели.

5. Русский народ обладает великими стихийными силами и богатыми задатками духовного развития.

6. Национальная самобытность России, проявившаяся, между прочим, в нашей изящной литературе, не подлежит сомнению.

7. истинный дух русской народности, определяемый высшим нравственным началом, выразился в обстоятельствах, сопровождавших возникновение русского государства (призвание варягов), а также крещение Руси, потом в реформе Петра Великого и, наконец, в восприимчивом, отзывчивом и всеобъемлющем характере русской поэзии.

8. В настоящее время, при искусственном возбуждении в русском обществе грубоэгоистических инстинктов и стремлении, а также вследствие некоторых особых исторических условий, духовное развитие России задержано и глубоко извращено, национальная жизнь находится в подавленном, болезненном состоянии и требует коренного исцеления».³⁷

Страхов с сожалением замечает, что «Когда наши писатели начинают ссылаться на авторитет Запада, когда раздаются, как у моих противников, речи о «лучших умах Европы», о «могучем движении Европейской науки», о «гигантах научной мысли», то я не могу слышать этого равнодушно...»³⁸. Он утверждает, что таким образом людей можно уверить в том, что «... на Западе... сбудутся самые лучшие чаяния нашего сердца и разрешатся самые высокие запросы нашего ума. О России же, если вы скажете, что ее история не имеет никакого содержания, что ее религия была и есть одно суеверие, что у нас нет ни единого здорового общественного начала, что русские даже не способны иметь ум и совесть, а всегда имели и теперь имеют одну подлость, — то такие речи будут приняты с истинным восторгом».³⁹

Страхов замечает, что западники не имеют ясных понятий о самом Западе. «Они ведь бросаются лишь на то, что там популярно, на репутации, созданные без умолку кричащего и как море разливающейся прессою, которая живет лишь настоящею минутою, все превеличивает и ни во что не углубляется... они не умеют различать там дурного от хорошего и принимают падение за успех, остановку за развитие, болезнь и гниение за жизненное процветание. Чтобы понимать и ценить Запад, нужен большой и долгий труд, и, конечно, прежде всего не нужно быть западником».⁴⁰

Таким образом, данная полемика между двумя яркими представителями общественно-политической мысли XIX века — Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым выявила основную

проблематику книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», показала глубину вопросов, затронутых в данном сочинении и указала на нерешенность проблем, стоявших перед мыслителями России XIX века. Нельзя сказать, что в результате этой полемики, посвященной книге Данилевского, Страхов и Соловьев пришли к каким-либо совместным заключениям и выводам. Наоборот, каждый из них остался при своем мнении. Но то, что этот спор повлиял на историю общественной мысли России — несомненно.

- ¹ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 745.
- ² Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 746.
- ³ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 210.
- ⁴ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 746.
- ⁵ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 746.
- ⁶ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 754.
- ⁷ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 758.
- ⁸ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 759.
- ⁹ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 760–761.
- ¹⁰ Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. Февраль. С. 725.
- ¹¹ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 200.
- ¹² Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 200.
- ¹³ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 201.
- ¹⁴ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 202.
- ¹⁵ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 204.
- ¹⁶ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 204.
- ¹⁷ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 205.
- ¹⁸ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 205.
- ¹⁹ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 205.
- ²⁰ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 206.
- ²¹ Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. Январь. С. 363.
- ²² Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. Январь. С. 363–364.
- ²³ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 201.
- ²⁴ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 211.
- ²⁵ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 220.
- ²⁶ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 221.
- ²⁷ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 221.
- ²⁸ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 222.
- ²⁹ Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. Июнь. С. 252.
- ³⁰ Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. Январь. С. 358–359.
- ³¹ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 202.
- ³² Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 203.
- ³³ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 203.
- ³⁴ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 203.
- ³⁵ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 203.
- ³⁶ Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. Февраль. С. 205.
- ³⁷ Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. Январь. С. 361–362.
- ³⁸ Страхов Н.Н. Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский Вестник. 1889. Декабрь. С. 190.
- ³⁹ Страхов Н.Н. Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский Вестник. 1889. Декабрь. С. 190–191.
- ⁴⁰ Страхов Н.Н. Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский Вестник. 1889. Декабрь. С. 191.